

Январь 2002 г.

— 9 января 2002 г., Мурманск

Конец предыдущего – первого года второго тысячелетия прошёл у Сашули в подготовке к поездке в Калининград: поиске и закупке новогодних подарков, главным образом, а на работе ей удалось отправить, наконец, в «Annales Geophysicae» нашу статью по моделированию томографических измерений, где она первый автор, а я четвёртый после неё, покойного Олега Евстафьева и Бориса Худукона, который сподобился, наконец, статью прочитать и свои замечания высказать.

Я же закончил читать лекции второкурсникам-программистам и принял зачёт у сумевших досрочно подготовиться к сдаче, перепоручив остальных моему ассистенту Маше Князевой. (Студенты самой сильной группы П-201 поздравили меня конфетами и открыткой с таким содержанием:

Уважаемый Александр Андреевич!

Поздравляем Вас с наступающим Новым 2002 Годом!

Хотим пожелать Вам всего наилучшего в Вашей нелёгкой, но интересной работе; в личной жизни – счастья, здоровья, благополучия в семье, и хотим сказать спасибо за Ваше терпение и помощь в изучении физики.

С уважением и любовью

Ваши студенты из П-201.) Провёл на кафедре аттестацию аспирантов, закончил занятия и принял зачёт у своих дипломниц с кафедры высшей математики и программирования – Иры Кораблёвой и Юли Зубовой. Но главной моей задачей до отъезда было вытрясти из Олега Мартыненко хотя бы один полностью готовый экземпляр его диссертации, чтобы отвезти его в Калининград на прочтение в лабораторию Коренькова, да и второй можно было бы тут же в Питер переправить на кафедру к Пудовкину.

До последнего дня Олег вымучивал свой опус, не скрывая к нему своего отвращения. В принципе, мог бы конфетку, а не диссертацию сделать. Но не захотел из-за пижонства: кому, мол, это всё нужно?

Объясняй ему, что мне хотя бы. Должен же я отчитываться за подготовку аспирантов. А также прочим студентам и аспирантам. Как пособие учебное.

«Я, мол, вообще не физик, а программист», и прочая демагогия, которой он от меня отбрехивался несколько последних лет. Всё же я его дожал взываниями к совести и отчасти материальным стимулированием (деньги по гранту РФФИ выплачивал только в обмен на продвижение диссертации). Труд получился объёмистым и с явным перекосом в сторону программирования, но и геофизических результатов в нём хватает. Устарели, правда, некоторые, но жалко выкидывать...

Вообще-то я думал, что с диссертацией Олега обойдёт Роман Юрик – так было он рьяно, с энтузиазмом работал, только о диссертации и говорил, такой многообещающий аспирант был. И публикаций у него достаточно, и результаты хорошие, но что-то случилось с Романом в этом году. На почве сексуальной озабоченности, похоже что. Да ещё виртуальной – из интернета не вылезает, треплется там непонятно с кем. Курить стал всюю.

А тут ПГИ (точнее, КНЦ) проявил неслыханную заботу о молодых перспективных специалистах: квартиры однокомнатные покупает Роману и Юле Шаповаловой. И вот наш Роман поразил Сашулю (они в одной комнате за компьютерами сидят). Звонит ему как-то Григорьев (отставник-хозяйственник в штабе Терещенко, мало ему Мельниченко) и напоминает о каких-то делах срочных, с этой квартирой связанных. А Роман тут как раз на связи интернетовской балдел, и вот его Григорьев в этот момент потревожил. Так Роман словно с цепи сорвался:

- Ну, Вы меня достали! – в трубку заорал. – Я сам знаю, что и когда делать!
И швырнул трубку так, что аппарат со стола слетел.
Сашуля только и нашла, что сказать:

- Роман! Разве так можно? О Вас же заботятся...

Год назад Роман у меня каждый день появлялся, результаты приносил, мы их обсуждали, находили ошибки, Роман проводил новые расчёты, строил графики... А потом стал приходить всё реже и реже, чему я поначалу не придавал особого значения: взростеет человек, стал способен работать самостоятельно, и ради Бога! Да вот только и результаты перестали у Романа получаться.

Зато желание защититься не пропало. Тут ситуация полностью противоположна Олеговой. Но для защиты результаты надо довести до безупречного (в части достоверности) состояния, а Роман в ступор какой-то впал, бормочет с тоской: - Это же столько надо пересчитывать! Может, и того достаточно, что уже есть?

А у нас с ним ещё и перед Матиасом есть обязательства невыполненные.

Беда просто с Романом этим.

Меня даже Терещенко просил как-то на него подействовать, чтобы с диссертацией дело продвинулось. Мы с ним (Терещенко), кстати, удивительно тепло пообщались незадолго перед моим отъездом в Калининград, я такой приветливости в свой адрес от него и не припомню. И до этого ещё он мне предложил предложения к программе «Космическая погода» (которую академик Жеребцов курирует) в части моделирования подготовить от имени ПГИ, что я и сделал охотно. И на Учёном совете ПГИ предложил наши результаты годовые мне самому представить (там мы в очередной раз с Витей и Галей Мингалёвыми сцепились по поводу закона Архимеда в атмосфере – о, Господи!). Просто чудеса какие-то. Я, впрочем, рад.

Но вернёмся к нашему отъезду, точнее, отлёту в Калининград. Сашуля первоначально собиралась ехать поездом из экономии и уже имела билеты на 27-е декабря, но тут её с толку сбил Митя неопределённостью своих сроков пребывания в Калининграде, и Сашуля переиграла на отлёт вместе со мной 28-го, тем более что поездом стало очень неудобно добираться из Мурманска – три дня целых!

Перед отлётом мы обменялись новогодними подарками – не таскать же их с собой в Калининград, а потом обратно! Я подарил Сашуле набор французской воды туалетной, а она мне четырехязычный словарь и самоучитель итальянского языка – значит, едем в Италию в этом году! А туда и Митя с Леной смогут подъехать даже просто на выходные – всего-то через Швейцарию перебраться. Но это пока мечты.

А в действительности, днём 28-го декабря мы едем с Сашулей в автобусе в аэропорт, и она говорит мне:

- А хорошо всё-таки, что я не поездом поехала, а самолётом полетела!

- Вот когда прилетим, тогда и скажешь, что хорошо.

И в самом деле, в Мурманске вылет задержали на час. В Питере, правда, задержка сократилась до 35 минут, зато очень долго ждали багаж в Калининграде, встретившем нас нулевой температурой и покрытом приличным слоем рыхлого снега.

10 января 2002 г., там же

Дети и внуки ждали нас дома. Вывалились кучей в коридор, и мы обомлели... Обычно нас Михаил изумляет своим ростом. А тут Митя отличился – бороду отпустил!

Сашуля чуть в обморок не упала: - Сынуля! Зачем?

- Так просто.

- А Лена куда смотрит?

- Ей нравится.

Видок у Мити стал, конечно, потешный - на православного дьячка похож. Да ещё и не стриженные усы и борода, с моей фамильной густотой ниже подбородка и на шее. Усы я ему, правда, подровнял вскоре, что существенно облагородило картину. Да и привыкли мы через пару дней. Не так уж и страшно. Что-то даже есть в этом.

Бородатый Митя, Калининград, 31 декабря 2001 г.

На следующий день, 29 декабря, я отправился в кирху на семинар, а Сашуля с Алёшей в театр. Снег на улицах в Калининграде не убирают, жуткая каша, транспорт ходит крайне эпизодически и еле ползает, так что в кирху я опоздал на полчаса, пытаюсь на чём-нибудь подъехать. Шёл бы сразу пешком – опоздал бы минут на десять всего. Но и пешком-то ходить никакого удовольствия по эдакой слякоти.

Когда мы с Сашулей и Алёшей ждали какого-нибудь трамвая на остановке у Дома Быта, на нас выскочил Миша Никитин, неплохо выглядевший, отъевшийся, гладкорожий.

Первым делом он уведомил нас, что вошёл в политсовет (из 29 человек) Социал-демократической партии Горбачёва и Титова (со стороны Титова якобы). Такой вот Миша социал-демократ теперь.

Вторая новость была печальной: тяжело болен Казимир Лавринович, знакомый мне, хоть и не близко, по калининградскому университету ещё с гострёмовских времён.

А третья новость и вовсе нас потрясла.

Накануне умер Юрий Ильич Гальперин.

Внезапно. Сердце. Он только что вернулся из Японии и звонил недавно Татьяне Хвиужовой в Мурманск. Очень симпатичный был человек, умница, не без пижонства, правда, со своим красноречием, одна из ярчайших фигур нашего геофизического поколения (ему где-то около шестидесяти пяти было).

На семинар явились Володя Клименко, Федя Бессараб, Ваня и Шагимуратов. К концу моего выступления Суроткин появился. Кореньков был в отъезде на каком-то альпинистском сборище. Первым делом я, конечно, Олегову диссертацию представил довольно подробно в расчёте на будущий отзыв от обсерватории как ведущей организации. Затем рассказал о нашей с Сашулей совместной работе с Ларисой Гончаренко из Миллстоун Хилла, представленной на декабрьской сессии Американского Геофизического Союза в Сан-Франциско.

Тут Клименко вдруг возник по поводу того, что мы границу полярной шапки двигаем к низким широтам, не размыкая силовые линии геомагнитного поля. Я же считал, что лучше двигать, не размыкая, чем не двигать вообще, как калининградцы поступают (да и мы раньше) вопреки известным фактам. С этого момента дискуссия пошла по руслу «а у нас... - а у вас...» с высказываниями обоюдных подозрений в корректности используемых подходов.

Заспорили о влиянии начальных условий на результаты модельных расчётов (я утверждал – влияют, они – не влияют), что напомнило мне один из семинаров Мизуна в Верхне-Туломском, где я вот также спорил с Гальпериным (он утверждал – влияют, я – не влияют). Теперь я считал так, как тогда Гальперин, а мои ученики со мной не соглашались.

Каких же либо новых результатов калининградцы не продемонстрировали по сравнению с летом, а и летом-то им было нечем особо похвастаться. Заняты в основном подработкой преподаванием. Одно достижение, что Ваня начал диссертацию двигать в ИЗМИРАНе, недавно как раз оттуда вернулся.

К концу семинара в кирхе появилась Сашуля, а спор о начальных условиях был прерван приглашением к праздничному столу на втором этаже по случаю последнего предновогоднего рабочего дня. К участникам семинара добавились Галина Якимова, Надежда Тепеницина и Ваня Епишев – нынешняя шагимуратовская бригада. Я посидел полчаса с ними, а потом спустился на первый этаж навестить Коренькову, принципиально на второй этаж не поднимающуюся из, мягко говоря, нелюбви к Шагимуратову.

На первом этаже мрачно гудели Коренькова и остатки ивановской команды – Карвецкий, Лещенко, Боженко, Власов. Были они уже хорошо поддавши. Меня встретили радостно, но говорили только об одном – какие гады Канониди, Быстрикова (ныне главбух обсерваторский) и Шагимуратов, свергнувшие Иванова. Основной вопль звучал так:

- Зачем же через ж...у-то так всё было делать?!

Как именно «через ж...у» - я не стал уточнять. Неинтересно было. Какое это теперь имеет значение?

А интересной новостью оказалось, что Иванов сейчас в ИЗМИРАНе и якобы с Надеждой Сергиенко сошёлся, Коренькова их свела, вдовых. Покойный муж Надежды - Олег с Вадимом был, по-моему, в приятельских отношениях.

Возвращался из кирхи я пешком в сопровождении Фёдора и Суроткина. Внушал им мысль, что вместо препирательств по поводу различий в калининградской и мурманской версиях модели давно пора бы их объединить, о чём я талдычил ещё когда! А сейчас, при новых-то компьютерах это ведь куда как проще сделать, было бы желание. Ответ Фёдора, впрочем, мне был заранее известен: мы, мол, непротив, да просто некому этим заниматься.

Ну, и хрен с вами тогда.

Калининград, вид на кафедральный собор от телецентра, 30 декабря 2001 г.

Митя и Сашуля на Ленинском проспекте, Калининград, 30-31 декабря 2001 г.

На Нижнем озере, Калининград, 31 декабря 2001 г.

Около университета, Калининград, 31 декабря 2001 г.

На следующий день, 30 декабря, мы с Митей отправились дозакупать подарки и за ёлкой, чему полдня и посвятили, а дома я проводил время за чтением популярных книжек Стивена Хокинга и Ильи Пригожина о проблеме времени и его необратимости, которые Ваня мне предложил почитать в свете прерванной дискуссии о начальных условиях. Прочитал с удовольствием.

И в последний день первого года третьего тысячелетия с утра ещё бегали по магазинам с Митей и Сашулей, я фотографировал их то под падавшим снегом, то в прояснениях. Свежий снег прикрыл вчерашнюю грязь, и Калининград перед Новым годом выглядел вполне по-зимнему, чего с ним давно не было.

Новый год встретили почти в том же составе, что и два года назад, только без Лены теперь. У неё сессия напряжённая, а в Россию ехать – надо тогда и к маме в Тамбов, и сюда в Калининград, не по силам и времени сейчас.

Алёша, Ваня, Миша, Митя, Ирина, Сашуля и я в канун Нового, 2002 года.

Наевшись, напившись и даже напевшись, мы с Сашулей и с Ваней отправились гулять посереде новогодней ночи, и дошли до площади Победы, где народищу у ёлки было – не пробиться. А утром Сашуля мне спать не давала, бормоча, что Михаил до сих пор ещё домой не вернулся. Он явился в десять и сообщил, что гулял с другом по городу просто так с пяти утра. К этому моменту и Алексей проснулся, после чего началась церемония извлечения подарков из-под ёлки, коих там целый мешок был. Один Митя из Германии чемодан подарков приволок. Нам с Сашулей среди прочего он подарил настенный календарь со своими видовыми фотографиями.

Калининград, памятник Канту, 31 декабря 2001 г.

На обед 1 января мы были приглашены к Шагимурастовым, а до того неожиданно позвонил ... Женя (Евгений Фёдорович) Кондратьев (!) поздравить с Новым годом, и

тут я наконец-то смог выяснить ледовую обстановку на заливах (ни Иван, ни кто-либо в кирхе мне ничего достоверного сообщить не смог). Из Прибрежного якобы по льду можно аж под светловские трубы пройти, а корюшку в карьере ловят, там её и купить можно. Вот только пшню у Жени украли, а так он готов хоть завтра на залив идти. Договорились вечером созвониться.

Эта договорённость способствовала тому, что у Шагимуратовых я пил весьма умеренно, приберегая себя к возможному завтрашнему походу на залив. Неужели на зимнюю рыбалку попаду?

С Шагимуратовым мы успели перед застольем даже о науке поговорить – обсудить физическую интерпретацию его результатов, представленных в совместной с поляками статье, которую надо было доработать по замечаниям рецензентов, эту статью мне Юра в кирхе дал дома посмотреть.

За столом пообсуждали немного ситуацию с назначением Шагимуратова и.о. заведующего (теперь, кажется, даже директора) ЗО (Западного Отделения) ИЗМИРАН, как теперь именуется Калининградская обсерватория.

- Что же мне отказываться было от предложения Ораевского (директора ИЗМИРАН)? Говорить, что недостойн, не справлюсь?

- А почему, как ты думаешь, Ораевский Коренькова не предложил? Всё-таки он доктор.

- Наверное, понял, что это будет то же самое, что и Иванов. Слишком Кореньков Иванова защищал. Да и я против Коренькова был. Как и он против меня.

- А почему?

- Потому что ему по фигу всё. Как и Иванову. Что ни предложишь – один ответ: тебе надо, ты и делай.

- Похоже на Коренькова.

Развивать эту тему я не стал. Бог с ними. Оба упрямые. Шагимуратов, например, Суроткина обратно в обсерваторию брать не хочет. Потому что – к Коренькову. А ему самому люди нужны.

- А что, есть лучшие кандидатуры? – спрашиваю. – Суроткин же проверенный, квалифицированный и работающий кадр.

Ответа внятного я не получил.

Ну, а в основном Шагимуратов Митю расспрашивал о жизни в Германии, о перспективах. Ближайшие перспективы-то ясны: в феврале, наверное, защита; потом в постдоках года на два останется; параллельно, возможно, с фирмой будет сотрудничать. А дальше пока неясно. Гражданство бы надо получить. Наукой-то лучше в Штатах заниматься, но Лена в Германии мечтает зацепиться. Короче, всё ещё впереди. Туманные пока перспективы. Но с Россией не связаны.

И в самом деле. Это надо быть героем – жить тут нормальному человеку. Прозябать в бедности или воровать – вся альтернатива для большинства. И наблюдать по телевизору как чеченцев мочат. Или они нас.

Вечером мы договорились с Кондратьевым встретиться в 9 утра на автобусной остановке у рынка на Баранова, чтобы ехать в Прибрежный.

Что и произошло на следующее утро.